

знает не только о том, что произошло на самом соборе, но и о переговорах, которые велись вне соборных заседаний; он помнит, что троицкий игумен побуждал митрополита выступить в защиту монастырского землевладения, а митрополит в свою очередь настаивал на том, чтобы Геннадий новгородский не отмалчивался. Реплики этих лиц передаются в такой форме, которая наводит на предположение, что автор либо сам их слышал, либо точно повторил рассказ свидетеля этих встреч. Никакой литературной обработки не ощущается в иронически почтительных укорах игумена митрополиту: «О священная главо! Азь убо нищий противу великому князю глаголю, ты же о сих ничто же не глаголеши», «Ты глава всѣм нам, ты ли ся сего (Дениса, — Ю. Б.) боиши». Интонации живой речи сохраняют и решительный отказ на соборе троицкого игумена подчиниться требованию великого князя: «Азь убо приидох к живоначалнѣй Троицы в Сергиевъ манастырь — сель манастырю не вдах, единь у себя имѣя посох и мантию»; и сердитый ответ Геннадия митрополиту, упрекнувшему его за то, что он отмалчивается на соборе: «Глаголете убо вы, азь бо ограбленъ уже прежде сего». Резкое осуждение всех, кто поддержал великого князя, автор выразил необычным способом: он умолчал о всех моральных и церковно-исторических доводах сторонников секуляризации и объяснил их согласие с предложением великого князя боязнью потерять свои церковные посты. По словам автора, все — от митрополита до игуменов — поначалу «повинушася, боящеся, да не власти своя отпадут».

В центре событий троицкий игумен Серапион, он ведет за собой защитников монастырских «сел». Его речи автор передает с особым вниманием и точностью. Возникает предположение, не сопровождал ли автор или тот, кто рассказал ему о соборе и связанных с ним встречах, Серапиона, когда тот был вызван на собор. Вероятно, что составитель «Слова инога» монах Троице-Сергиева монастыря, использовал не дошедшее до нас «Сказание о соборе 1503 года», исключив из него вступление (произведение начинается со слов «В та же времена», т. е. в то же самое время, о котором упоминалось ранее) и конец. В «троицкую легенду» деловитый рассказ о соборе 1503 г. начинает превращаться уже тогда, когда фигура троицкого игумена выдвигается на первый план, но особенно заметной легендарность становится в объяснении «чудом» действительных фактов. Конфликт монастыря с великим князем из-за распаханной монахом межи связывается в «Слове ином» с традиционным легендарным наказанием грешника — болезнью великого князя. Именно в этой части «Слова инога» появились и «огезева проказа», которой испугались «недельщики», и круглосуточные моления у раки Сергия, и устрашающая картина шествия в Москву всех «старцев», и немедленная кара за это — князь разбит параличом, и просьба его о прощении. Этот заключительный эпизод — присылка «милостыни довольной» братии вместе с покаянием великого князя и возвращение игумена с старцами из Москвы как «ратников крепких от брани» — уже полностью построен в духе легенды.

Построение «Слова инога» показывает, что его автор, в отличие от составителей других рассказов о соборе 1503 г., не стремился дать наиболее полное выражение идеологической платформы защитников земельных прав церкви. Тезис о неотъемлемости всех принадлежащих церкви земель он проиллюстрировал лишь на двух ярких примерах из русской истории — соборе 1503 г. и конфликте Ивана III и Троице-Сергиева монастыря. К практике русской церкви обращались сторонники монастырского землевладения и в соборном ответе 1503 г.,³⁶ в трактате Иосифа Волоц-

³⁶ Послание Иосифа Волоцкого, стр. 322—329.